

Мой личный вклад в развал великого¹

Георгий Хачатуров

АГНОСТИК
Наверное, лет через двадцать смогу
Взглянуть я в сейчас с расстоянья.
Вглядевшись в себя - ничего не пойму.
О, Господи, в чем же познание?

Бегом!

Кто из читающих мальчишек шестидесятых лет двадцатого века не слышал про "секретных физиков" или про создателей космической техники? Не мечтал об их ореоле безвестной славы? А может вы помните Гранинскую "Иду на грозу" с ее атмосферой творчества, где борьба научных идей описана в смеси с борьбой с подлостью, борьбой добра и зла, в конце концов.

Каково же этим мальчишкам, которых ранними вечерами конца пятидесятых родители выводили на улицу, чтобы на звездном небе показать первые спутники, было узнать через много лет, что свободного творчества у их кумиров было маловато, что большинство из них работали в так называемых шарагах на правах заключенных и даже высшие из них балансировали между славой и ГУЛАГом.

А, на первый взгляд, нелепая смерть Сергея Королева во время элементарной операции по удалению грыжи? Сейчас мы узнаём, что она вовсе не была следствием врачебной ошибки.

Оказывается, когда его молодого посадили в конце тридцатых, то следователь во время допроса сломал ему челюсть, и потому Королев не мог открыть полностью рот, что было необходимо для техники анестезии тех лет. Эта проблема вскрылась, собственно, во время операции, когда уже было нельзя менять ее план, и все пошло наперекосяк.

Когда в семидесятых годах я работал в конторе, работавшей много по заказам ВПК, был случай отказа одной нашей системы на пилотируемом корабле. По большому везению, обошлось без жертв и, в конце концов, оказалось, что наша контора не виновата.

Однако в начале, когда авария только случилась и началось разбирательство, и в течении нескольких часов по всей стране были подняты сотни людей из разных организаций, научно-технических и не только, с целью найти причину аварии, - в этот момент было совершенно не ясно куда повернется дело.

¹ Вместо копирайта: Если вам понравится настоящий текст, то достойный способ выразить благодарность автору, это поместить в любом сайте, доступном вам для редактирования, гипертекстовую ссылку на страницу оригинала, откуда был скачан текст. Эта страница: <http://newton.uam.mx/xgeorge/PICTURES/>

Мы отслеживали развитие ситуацию буквально по часам. В технические подробности анализа аварии вдаваться нет смысла. Однако, одна деталь мне запомнилась.

Начальник отдела, где была разработана система, сразу был вызван на ковер к тогдашнему Генеральному Конструктору. Тот сидел в бывшем кабинете Королева. С юмором рассказывая об этом визите, начальник отдела, отметил особенность планировки кабинета.

- Только тогда, - говорил он - я и понял смысл слов "быть вызванным на ковер". Длина кабинета такова, что пока идешь от двери к столу Генерального, вспомнишь всю свою жизнь.

Зловещая связь духа кабинета с пережитым как самим Королевым, так и всей страной в тридцатые-сороковые годы, стала вырисовываться уже потом, в годы перестройки², когда каждый новый день мы узнавали из периодики такие подробности истории Советского Союза, что родилась бессмертная шутка: "наша страна - это страна с непресказуемым прошлым".

Директор нашей конторы - личность без сомнения незаурядная и одновременно типичная для своего времени. Талантливый инженер, авантюрист, артист, пройдоха и автократ - все в одном лице, он создал наш институт буквально с нуля где-то в начале шестидесятых³.

Надо отметить, что в Политехническом институте, структурной частью которого была наша контора, шефа не любили и всеми силами мечтали избавиться от него, но не могли. Не любили потому, что контора жила на полном хозрасчете и от денег политеха не зависела. И эта финансовая независимость порождала независимость поведения шефа, совершенно недоступную обычным профессорам и жутко раздражающую верхушку Политеха. А избавиться не могли потому, что политическая поддержка шефа со стороны космических и военных заказчиков была сильнее, чем возможности ректора в желании с ним расправиться.⁴

² Как личность, я формировался в атмосфере "успехов социализма", не зная ничего о репрессиях прошлых лет. А понимание манеры поведения наших тогдашних начальников и других людей старшего поколения, пропущенное сквозь призму нового исторического знания пришла еще позже, когда Союз уже совсем развалился.

³ До сих пор не знаю почему, меня он не любил. Вот Сергея, с которым мы почти одновременно распределились в институт, он любил. А меня терпел. Однако, хотя и не любил, никакой гадости мне никогда не сделал. Под его формальным руководством, диссертацию, по результатам моего вклада в конкретные разработки института, я защитил. Руководство ограничилось тем, что прочитав автореферат диссертации, он отредактировал его так, выбрав надлежащие слова и расставив акценты, что мои достижения были вознесены на пьедестал и обрели такой ореол, какие никакой автор (в данном случае я) не мог бы позволить себе из этических соображений.

⁴ Нельзя не упомянуть в этой связи, что в конце-концов, они таки подловили шефа на жалобе, которую послали в обком руководителя ликвидации чернобыльской аварии, в которой наша контора участвовала наряду с десятками других. Поводом для снятия послужило интервью, которое шеф дал в один момент, а в эфир это интервью пустили только через месяц, когда его слова уже звучали в диссонанс с новой реальностью. Что-то там кого-то задело, пошла жалоба в обком и ректор, наконец понял, что пришел удачный момент, для снятия. В те времена чернобыльские приоритеты были выше всего...

Да, так о кабинете я вспомнил совсем не случайно. Построив в Северной Столице новое здание конторы, которое заняло заметное и достойное место в современном архитектурном облике города, шеф себе в нем отгрохал кабинет "под Королева". Такой, что когда какое-либо институтское или городское начальство его увидело, то немедленно потребовало его переделать, в смысле, что скромнее надо быть.

Мол де, посмотри на нас, мы-то по рангу повыше будем, а у нас таких кабинетов нет.

Чуткий на сигналы шеф, отреагировал быстро, переехав в умеренную комнату напротив, а сам кабинет переориентировал на зал для заседаний научно-технического совета. Однако и новый кабинет оказался достаточно большим, чтобы в нем разыгралась забавная история.

Мой сокурсник, Володя, был нанят в контору, чтобы под руководством и в соавторстве с шефом писать научную книгу по любимой тематике шефа. У последнего на писанину было времени мало, но тексты он аккуратно вычитывал и давал ценные указания, что делать и как именно представлять результаты. Когда у шефа образовывалось окошко между другими занятиями, он вызывал к себе Володю на очередное вправление мозгов в части написания их трактата.

Как-то раз, шеф, объясняя Володе что-то по книге, сказал в селекторный микрофон секретарше "Голенича ко мне!".

Это была типичная манера шефа делать одновременно несколько дел.

А надо сказать, как это обычно бывало в конторах нашего типа, замом шефа по общим, или кадровым, или каким-то еще вопросам, был отставной полковник. В данном случае - Голенич.

А поскольку он был военная косточка, то, что такое приказ, понимал очень хорошо.

Шеф время экономить умел и рассчитал его абсолютно точно: он дал Володе последнее указание о том, какие экспериментальные результаты надо срочно принести, одновременно с тем как Голенич вошел в кабинет.

И завершил шеф аудиенцию Володи командой: "Бегом!" Конечно, шеф не собирался унижать Володю, которому на тот момент не было 30 лет, просто он хотел, чтобы тот ему принес результаты побыстрее. Но так уж получилось...

Услышав команду, Голенич, хорошо за 60 лет, под 190 ростом, толстый, с папкой под мышкой побежал как на плацу, грузным шагом, к столу, а Володя шагом, хотя и быстрым, пошел к двери.

Шеф поморщился: "Да не вы (Голеничу), а вы (Володе)".